

Этикетные формы речи в сопоставлении лингвокультурных вариантов дают возможность активно формировать языковую компетенцию иностранцев, кроме того, проводится последовательное установление тождеств, частичного совпадения или расхождения, либо полного различия этикетных форм. Уточнение национально-культурной специфики ведет к эффективному усвоению и активному применению этикетных форм, пополняя языковую компетенцию иностранцев, изучающих русский язык.

Этикетные формулы в своей основе являются всеобщими, универсальными и специфичным, так как соблюдаются представителями самых разных социально-политических систем в современном мире. При этом каждая культура обладает своеобразными, традиционно актуализированными формами этикета, что делает данные разговорные формы частотными и коммуникативно востребованными.

Список литературы:

1. Кузнецов И.Н. Этикет повседневного и делового общения. Главные правила общения и поведения в современном обществе. – М., 2005.
2. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Е.Аралова. - М: Языки славянской культуры, 2003.
3. Формановская Н.И., Габдулина С.Р. Русский и английский речевой этикет: сходства и различия: Справочник. – М.: Высшая школа, 2008.

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ДОСТУПА К НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мишанкина Н.А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Томск, Россия

Научная коммуникация предполагает апеллирование коммуниканта к системе знания, поэтому одним из базовых параметров научного дискурса является *интертекстуальность*. В научном дискурсе действует правило прецедентности: существует некоторый фонд общих знаний, для активизации некоторой его составляющей достаточно введения в текст прецедентного феномена. Фоновые научные знания могут быть общими для всех представителей научного сообщества и специальными – общими только для определенной научной области, или специализированными – общими для некоторой группы, представителей отдельного направления в рамках научной дисциплины. Исследователи выделяют два основных типа интертекстуальных отсылок: эксплицитные (прямое и косвенное цитирование) и имплицитные (фоновая ссылка). Тенденция к информационной компрессии предполагает «сжатие» концепции до высказывания или терминологического словосочетания (*небесная механика*), отсылающих к целостной области научного знания, научной парадигме, достаточно известной и поэтому не включаемой в текст в виде прямого цитирования. Происходит «дробление» исходного научного текста,

выделение наиболее информационно емких единиц, маркирующих целостную концепцию.

И именно в этой связи можно говорить о том, что дискурсивное взаимодействие в сфере науки моделируется средствами естественного языка. В работах ученых-когнитивистов отмечается близость когнитивных моделей эпистемологии и «наивной» гносеологии [1, 26; 2, 109].

В ряду базовых положений когнитивной лингвистики, включающих тезисы о «телесном» основании мышления, о его гештальтной природе, особое место занимает установка на исследование образных средств языка, фиксирующих иррациональные способы осмысления действительности. Именно с этой установкой связан интерес когнитивного направления к изучению метафоры, получивший реализацию в теории концептуальной метафоры и отразивший когнитивный «поворот» метафорологии.

В рамках этой концепции метафора рассматривается как один из ведущих гносеологических механизмов, основанный на аналогии. Когнитивные исследования в области метафорологии показывают, что применение образных средств в научной речи значительно более интенсивно, нежели предполагалось ранее.

Когнитивные модели синтезирующего типа позволяют создавать «возможные», виртуальные миры нереферентного типа, получающие онтологизацию как сложные ментальные конструкторы. Наиболее крупным и значимым из них является картина мира. Базовой моделью синтезирующего типа можно считать *концептуальную метафору*, так как она представляет собой структуру, реализующую минимальную синтезирующую операцию. Метафорическая модель является гносеологической по природе, так как базируется на механизме аналогии – перенесения уже готового онтологизированного знания в процессе познавательной деятельности на область неизвестного. Вслед за основоположниками теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [3] мы определяем концептуальную метафору следующим образом: *базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях)* и получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений. Вследствие того, что концептуальная метафора принадлежит когнитивной сфере, ее реализация в языке обозначается как *метафорическая модель*, объединяющая систему речевых репрезентантов – *текстовых метафор*.

Главным отличием научной метафоры является то, что в системе научного познания актуализируется ее гносеологическая функция. Результат действия гносеологических механизмов метафоризации получает закрепление в языке в виде широчайшего спектра номинативных метафор. Гносеологическая функция остается ведущей и очевидной в случае, если область, осмысляемая посредством метафоризации, является эмпирически недоступной и может быть познана только посредством когнитивного моделирования. В последнее время появляется все больше работ, в которых исследуются когнитивные аспекты представления информации, а научный текст рассматривается как поле метафорической деятельности (Ф. Анкерсмит, Н.Д. Арутюнова, К.И. Алексеев, О.Н. Алешина, С.С. Гусев, Ю.И. Манин, В.В. Петров, А.Д. Плисецкая, З.И. Резанова, А.Е. Седов, Ю.С. Степанов, И.А. Шмерлина и др.). Метафорические модели привлекаются для

познания и введения в сферу когнитивной онтологии объектов различной природы, как физической, так и идеальной. Языковая реализация метафорических моделей представляет как уже онтологизированное знание, так и новое, гипотетическое.

Эвристичность и информационная емкость метафоры напрямую связаны с ее свойствами: 1) соединением в механизме метафоризации двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира: интуитивного и рационального; 2) синтетичностью метафорической модели, включающей как новую, так и уже известную информацию; 3) компрессивностью: метафорическое моделирование всегда предполагает выбор языковой единицы, представляющей признак, значимый для отображения свойств объекта, но при этом ассоциативные связи выстраивают образ целостной ситуации; 4) интеракциональностью метафорической модели, связанной с гештальтно-фреймовой организацией. Метафорический образ специфичен тем, что он по-разному организован для того, кто метафору порождает, и для того, кто ее воспринимает.

Анализ текстов научного дискурса позволяет говорить о разных уровнях функционирования в нем метафорических моделей, связанных с научной коммуникацией. Первый уровень – это метафора, функционирующая на уровне отдельного текста. Каждый научный текст включает метафорические модели, формирующие ментальное пространство, в котором осуществляются научная деятельность и научная коммуникация. В этом случае из всего спектра общеязыковых метафор выбирается и используется система устойчивых дискурсивно-онтологических метафорических моделей, представляющих специфичность организации данного пространства и способов действия в нем. Например, осмысление науки в целом и отдельных дисциплин реализуется прежде всего через пространственные метафоры: *научная область*. О тесной взаимосвязи категории пространства и визуального восприятия свидетельствует целый ряд метафор, репрезентирующих модель «познание – видение». Активное вовлечение «принципа наглядности» в научный дискурс позволяет предположить, что с ним ассоциируется сам процесс познания и понимания [8]. Наличие в любом научном тексте значительного количества выражений *Видимо...*; *Рассмотрим ...* и отсутствие лексических маркеров других видов восприятия свидетельствует о том, что научное познание тесно связывается с визуальной информацией. Привлечение этой модели в научный дискурс позволяет представить различные планы восприятия объектов и процессов, показать зависимость свойств наблюдаемого объекта от пространственной позиции наблюдателя (*Такая точка зрения на алгоритмы позволяет увидеть неожиданные аналогии и постановки задач, заслуживающие обдумывания*). Здесь находит свое отражение еще один аспект опыта визуального восприятия многомерных объектов – невозможность одновременного видения всех сторон предмета. Абстрактная сущность осмысливается как многомерный, не плоскостной объект, а его исследование – как взгляд с одной из сторон, чтобы составить полное, объективное представление об объекте исследования, требуется *всестороннее рассмотрение*. При выборе объекта исследования значимым параметром выступает анатомо-физиологическая ограниченность восприятия углом зрения, поэтому объект исследования осмысливается как попавший/не попавший в *поле зрения*. В данной сфере функционируют устойчивые метафорические модели: «абстрактное – это объект/вещество», «исследование – это движение», «исследование – это конструирование» и др.

Одновременно каждый текст как целостное высказывание, представляет модель объекта научного познания, которая выстраивается на основе механизма метафоризации. При этом моделируется как сам объект, так и некоторая система понятий, необходимая для его представления, отображаемая в системе терминов, репрезентирующих данную модель. Этот тип моделей выполняет собственно гносеологическую функцию и, соответственно, получает название *гносеологических*.

Анализ метафорических терминосистем в различных научных областях позволяет говорить о том, что гносеологическая метафора, задающая рассмотрение объекта исследования, влечет за собой целый спектр единиц, репрезентирующих эту модель и тесно с ней связанных.

Система текстов, реализующих подобные метафорические модели представления объекта научного описания, образуют парадигму – модель, имеющую интертекстуальный и даже интердискурсивный характер, выходящую за рамки отдельного текста. Одновременно с парадигмальной моделью привлекается и терминологическая система, коррелирующая с парадигмальной метафорой. Метафорические модели терминологического или парадигмального характера могут выходить за пределы дискурса отдельной научной дисциплины и оказываются востребованными в других научных областях, оказывая, таким образом, влияние на модели представления объекта описания в рамках других дисциплин. С.С. Гусев отмечает, что академик И.П. Павлов «...описывал механизм образования временных нервных замыканий, метафорически отождествляя нервную систему с телефонной станцией» [4, 136]. Подобное взаимодействие отдельных «дисциплинарных» поддискурсов в рамках научного дискурса можно охарактеризовать как диффузию – размывание границ и взаимопроникновение элементов. Базовым в этом случае становится понятие интердискурсивности, определяемое по аналогии с интертекстуальностью как *вовлечение в рамки одного дискурса элемента, однозначно квалифицируемого как принадлежащий к другому дискурсу* [5, 118]. Если вспомнить о том, что язык реализуется в речи – речевых актах, формирующих дискурсы как области коммуникации, то можно говорить о том, что все единицы языка когда-то принадлежали к определенным дискурсам и, в определенном смысле являются их «обломками».

Научный дискурс так же, как и другие сферы коммуникации, не является однородным, т.к. направлен на исследование многообразных аспектов мира. Наука в целом формируется как совокупность различных научных дисциплин, различающихся по объекту исследования. Их развитие предполагает определенную автономность и даже изолированность, т.к. объемы необходимой для работы в данной области информации становятся все значительнее, что влечет за собой более узкую специализацию. В некоторых научных областях (математика, астрономия) «разрыв» между обыденной и научной информацией произошел еще в эпоху античности [4, 28]. Тем не менее, существуют несколько факторов, способствующих диффузии дискурсов: во-первых, целью ученого всегда является познание, а не строгое следование «букве» избранной им научной области, ученые легко преодолевают границы между научными областями в случае, когда этого требует поиск новых моделей, методов, методологических оснований. Во-вторых, недискретность мира, его континуальная природа и, следовательно, жесткая граница между объектами научного исследования предопределяют взаимосвязь и информационный обмен между научными областями. Такова связь между физикой, химией, биологией, когнитивной наукой и т.п.

Интердискурсивное взаимодействие между отдельными научными областями происходит в форме терминологического заимствования. Ученый привлекает в свою научную область модель (и, соответственно, термин), которая удовлетворяет условиям его поиска. Терминологический обмен возможен и между далекими научными областями.

Давно функционирующие метафорические термины утрачивают свою «живую» метафоричность, но при этом включаются в систему моделей глубинного, онтологического уровня. Для представления феномена привлекаются общие знания человека, позволяющие постичь его суть (*кора, поле, дерево, слоеный пирог, механизм* и др.). «Так, например, термин «сила» был заимствован физикой из сферы проявлений человеческой деятельности, а потому, перенося связанные с ним представления на внешний мир, ученые неявно исходили из мысли о том, что в физическом взаимодействии только одна сторона является носителем активности, другая же представляет собой воспринимающий элемент» [4, 29]. Ситуация, которая складывается в сфере гносеологии, – это постоянная динамика лингвокогнитивных моделей, их перемещение из общей базы знаний в сферу науки и новое возвращение в область общего знания, но уже обогащенными новыми смыслами. Таким образом, сфера науки способствует развитию общекогнитивной сферы, заимствуя когнитивные модели из общего фонда знаний.

Подобные метафорические модели представляют собой наиболее ранние научные метафоры, они получили широкое распространение практически во всех научных областях и на этом основании могут считаться метафорическими архетипами научного дискурса. От метафорических моделей дискурсивно-онтологического типа они отличаются тем, что регулярно используются именно в гносеологической функции и на этом основании могут быть названы *гносеологическими универсалиями*.

Анализ целого ряда научных текстов позволяет говорить о наличии в терминосистемах следующих метафорических моделей подобного типа: «нечто – природный объект», «нечто – человек», «нечто – предмет».

Наиболее отрефлексированной в науке является еще одна метафорическая универсалия, базирующаяся на понятийной области «механизм». Она по-разному именуется в различных работах, но чаще всего используется термин «**машинная метафора**». По мнению С.С. Гусева, новый способ познания, базирующийся на «машинной» метафоре, предполагает другой взгляд, взгляд на космос как на гигантскую машину. Человек, выступая как создатель действующих механизмов, переносит принципы конструирования и деконструкции на весь познаваемый мир. При этом «метафорический характер отождествления человека и машины долгое время не воспринимался. Казалось, что «машинная метафора» и в самом деле представляет собой всеобщую форму описания и объяснения любых процессов и явлений окружающего мира» [4, 64]. Метафорическая модель «нечто – механизм» получает выражение в целостной системе детализирующих структурных моделей: «тело человека – работающий механизм», «языковая деятельность – производство» (производство речи), «мыслительная деятельность – производство» (производство знания), «человеческий интеллект – компьютер».

Таким образом, анализ научного дискурса на базе методологии когнитивной лингвистики позволяет выявить значимость метафорических структур как в собственно познавательной, так и в коммуникативной деятельности. Значимость метафорического моделирования в сфере науки подтверждается активным

функционированием метафоры на разных уровнях: при моделировании внутреннего пространства научной деятельности, моделировании объекта научного исследования, при формировании парадигмальной метафоры, а затем и гносеологической универсалии. Особая эвристичность метафорической модели связана со спецификой метафорической концептуализации, предполагающей вариативность интерпретации семантики языковой единицы. Между сферой терминологии и естественноречевым мышлением нет жестких границ, это позволяет научному познанию опираться на общие знания о мире, формируя гносеологические универсалии – понятийные структуры, задействованные для представления знания в любой научной области. Метафорическая модель, лежащая в основе модели научного объекта, термина, значительно облегчает эпистемический (познавательный) доступ к научной информации, т.к. привлекает в качестве опорных знания, уже имеющиеся у человека, сформированные в процессе его жизни, получения жизненного опыта.

Список литературы:

1. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М., 2001.
3. Лакофф Д. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Гусев С.С. Наука и метафора – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
5. Филиппс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Дж. Филиппс, М.В. Йоргенсен. – Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАКОНЦЕПТА В ТЕОРИИ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Орлова О.В.

Томский государственный педагогический университет

Томск, Россия

В настоящее время в российской лингвистике большое внимание уделяется прикладным исследованиям, позволяющим применять новейшие достижения теоретической мысли в практической деятельности, в частности – в обучении русскому языку иноязычных граждан.

Так, теоретической базой лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку как иностранному стали основные положения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, представленные в трудах ведущих российских лингвистов: В. Г. Костомарова, Д. С. Лихачева, А. Д. Шмелева, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, С. Г. Воркачева и других ученых.

Лингвокультурологическое направление в изучении русского языка как иностранного теснейшим образом связано с лингвоконцептологией — актуальной